

МИЛА

М Я странная, и я это знаю. Давно знаю, привыкла, что на меня иногда смотрят косо. Точнее, не то что привыкла, а видела, что люди считают меня странной, просто мне всегда было все равно.

Как-то раз, когда я еще ходила в садик, мне купили мороженое и я сидела с ним на лавочке и ждала маму, которая была то ли в магазине, то ли еще где, и тут увидела на крыше сороку. Вокруг было людно, но я отчетливо слышала, как сорока стучит коготками по жести, и стала смотреть, как она там снует туда-сюда.

А потом вдруг какая-то женщина мне говорит:

— Девочка, у тебя все в порядке?

Тогда я оторвалась от сороки и подняла глаза, а она показывает на мою руку, в которой я все еще держу мороженое: оно уже совсем растаяло и стекает по руке, капает на платье или в чем я там была, на землю. Видимо, я сама не заметила, как долго наблюдала за птицей.

Тут уже и мама вышла из магазина, и эта женщина ей сразу:

— С вашей девочкой все в порядке? Она сидела так, не шевелясь, очень долго! Ужасно странно! Я подумала, может, у нее какой-то приступ, мало ли что...

А я говорю:

— Мам, я наблюдала за сорокой вон там, — и показываю на крышу, но сорока, понятно, уже улетела.

Мама говорит этой женщине:

— Дети, сами понимаете... — А на меня смотрит таким своим взглядом типа: обязательно было так делать? Но я только плечами пожимаю, я же не нарочно.

— Точно все в порядке? — переспрашивает женщина, будто нам не верит.

— Разумеется, — отрезает мама. — А в чем проблема? Что она перепачкалась мороженым?

— Ну, извините, что беспокоюсь, — огрызается и эта тетка. Она такая противная, что ее смело можно назвать теткой, но я еще маленькая и побаиваюсь: вдруг мама прочтет мои мысли и увидит там эту «тетку».

— Ну ты и поросенок, — говорит мама беззлобно и протягивает мне салфетку.

— Мам, я странная? — спрашиваю я вдруг.

— Почему ты спрашиваешь? Из-за этой тетки?

— Не, не поэтому, — говорю я и не вру, ведь я и сама знаю, что я странная, только меня это не особо беспокоит.

— Дети в садике тоже так говорят, — признаюсь я.

— А кто именно?

— Элишка, Софичка, Аничка, Адам, Даниель, второй Даниель, Фанда. А, да, еще Йоганка.

— Все? А почему ты мне ничего не рассказываешь?

— Вот же рассказываю.

— Они тебя обижают? Завтра же поговорю с воспитательницами.

— Нет, не обижают, мам.

— Точно?

Я пожимаю плечами: да никто меня не обижает.

Тогда мы были еще маленькими, и даже Сашу никто не обзывал «вонючкой». Это началось позже, но я к тому времени уже привыкла. Или просто не обращаю внимания.

— Странная... странная... какое дурацкое слово! Все в чем-то странные. Все непохожи друг на друга, кто-то любит наблюдать за животными, а кто-то танцевать, так что никто не странный, и ты не делаешь ничего ужасного... конечно, когда не изгваздаешься вся в мороженом, — шутит мама и идет выбрасывать использованные салфетки и то, что осталось от мороженого, в помойку. А я подхожу к фонтану помыть руки. Я прижимаю струю воды ладошкой, чтобы, когда я отпущу руку, вода брызгала во все стороны.

Теперь я вся мокрая, и мама говорит в шутку:

— Ты какая-то странная! — И мы обе смеемся.

Но я понимаю, что мама просто пытается меня утешить, она и сама считает, что я странная. Они с папой часто на этот счет беспокоятся, не то чтобы я их подслушивала, но просто я действительно умею наблюдать и замечать. Само собой, я больше люблю наблюдать за природой, это куда интереснее, люди меня интересуют гораздо меньше, но если я вдруг случайно наблюдаю за людьми, то сразу замечая, когда они ведут себя подозрительно, а родители, когда беспокоятся насчет моих странностей, всегда ведут себя подозрительно. Заходит, например, папа ко мне в комнату, и мы разговариваем о чем-то нормальном, ну не знаю, о коалах, скажем, но я замечая, как папа барабанит ручкой или пальцами по столу. И мама туда же: она, когда нервничает, иногда на меня накричит, а потом сразу инстинктивно и смотрит таким долгим взглядом.

Или просто так приходит, как ни в чем не бывало, с какой-нибудь новой блестящей идеей, но я догадываюсь, что я опять натворила что-то не то. Например, однажды мама придумала, что я буду ходить в биологический кружок, раз я так люблю животных. Ну да, я их люблю, но в кружке скучно, можно делать только то, что велят, а с этими животными мы совсем не возимся

и не играем. Все равно меня скоро оттуда выгонят, если из кружка можно выгнать, потому что в прошлый раз я выпустила ежика в сад погулять, а потом нам всем пришлось очень долго его искать, а Гонза, наш преподаватель, чуть не накричал на меня. Но ведь еж — дикое животное, ему лучше на природе.

Но главная моя странность в том, что, если я погружаюсь в свои мысли, время для меня течет по-другому. Родители это называют «она опять в своем мире» — а что, даже красиво. Раньше они говорили, что я опять задумалась, но это не совсем так, потому что я в такие минуты не думаю, а скорее наблюдаю. Просто, когда я в своем мире, время течет по-другому, как вот с этим мороженым. Я даже иногда могу заблудиться, потому что не замечая, куда иду.

У магазина-то я подождать одна легко могу, потому что мама уверена, что я никуда не денусь. Но если уж я куда-то иду, тут и потеряться недолго. Однажды я уже терялась. Меня даже полиция искала. Я тогда была совсем маленькая. Я не особо помню, помню только, что ужасно плакала, когда меня догнала полицейская машина и полицейские выскочили и схватили меня. Правда, папа говорит, что ничего такого не было, меня нашла соседка, а не полицейские, так что не знаю.

Но к чему это я? Наверное, к тому, что часто жду маму у магазина. Ну, или не часто, но бывает.

И вот сегодня сижу я так, смотрю на голубей, крошу им остатки рогалика от завтрака. А на соседнюю лавочку садится какой-то пожилой дедушка и с трудом переводит дух, да и неудивительно, ведь на улице тепло, я в одной футболке и юбке, а на нем пальто и шляпа. И весь он как будто из старого кино. Голуби сразу разлетаются, это я вообще-то очень люблю, когда голуби взлетают совсем близко и поднимают вихрь, и полное ощущение, что птицы сейчас в тебя врежутся, но они никогда

не врезаются. В зоопарке я особенно люблю павильон с индонезийскими джунглями, где свободно летают крыланы — это такие типа летучих мышей, только питаются фруктами — и тоже никогда в людей не врезаются.

А старик в пальто берет и достает откуда-то шиншиллу, не понимаю, где она пряталась, — наверное, в кармане. Шиншиллу я сразу узнала, хотя я не очень-то разбираюсь в грызунах, но у нас в школе живут две: одну назвали Пикачу (мальчишки), а другую — Шарлот (девчонки). Дурацкие имена.

Я смотрю, как шиншилла карабкается по дедушкиному рукаву и садится на плечо, издалека кажется, будто она ему что-то шепчет на ухо. Удивительно, какая умная шиншилла, вот Пикачу и Шарлот — глупые, и кусаются, и точно бы убежали, если их выпустить.

Пока я размышляю, как можно выдрессировать шиншиллу и не стоит ли и мне попробовать, к старику придвигается мальчик, который сидит тут же на лавочке, мальчик чуть помладше меня, но точно школьник, потому что у него школьный рюкзак. Мальчик берет детскую бутылочку из коляски, которая стоит рядом, и протягивает старику попить: видимо, это их общий дедушка — его и того малыша в коляске. Потом дедушка дает шиншиллу мальчику, а она и дальше ведет себя образцово, наверное, она и мальчика знает, привыкла к нему. Вот сейчас подойду и спрошу, как так выдрессировать шиншиллу, решаю я.

Но не успела я подойти, как появилась мама мальчика. Я ее знаю, однажды мы с папой заходили к ним домой, и папа с ней обсуждал что-то про стройку — мой папа юрист и занимается какими-то скучными строительными вопросами. Но женщину я хорошо запомнила, потому что у нее на щеке коричневое родимое пятнышко, скорее даже пятно, на самом деле оно довольно большое, прямо под глазом. Похоже на карту, на город на карте.

Но она меня не узнала, и я с ней не стала здороваться, все равно она не обращает на меня никакого внимания, смотрит только на мальчика и того старика. Видимо, это все-таки не их бабушка, потому что женщина очень сердится, что мальчик возится с шиншилой. А мальчик, вообще-то он еще совсем мелкий, начинает канючить, что он хочет взять шиншилу домой — мол, дядя ему ее подарит, а женщина говорит:

— Так не пойдет, извините. Пошли, Петя. — И тащит его за руку. Мальчик, кажется, вот-вот заплачет, а малыш в коляске уже по-настоящему плачет.

Старик на лавочке страшно закашлялся, как-то нехорошо его так оставлять, раз уж я подошла. Жалко, воды у меня с собой нет.

— Принести вам воды? — говорю я. — Я могу сбежать в магазин.

— Нет, спасибо, хорошая девочка. — Старик качает головой. Я пожимаю плечами: я пока ничего не сделала, только предложила.

— Тебе не нужна шиншилла? — говорит он.

— Конечно, нужна, — начинаю я. — Но...

— Я не могу больше ее у себя держать. Но она хорошая. Ее зовут Кусь. Не бойся, это прекрасный зверек.

У него такая сумка на колесиках, он вытаскивает из нее обувную коробку без крышки и ставит рядом со мной.

— Я ношу ее в кармане, но ты можешь посадить в коробку, пока не купишь что-нибудь получше. — Потом он просто встает и уходит.

Уходя, он снова закашлялся, а я так и сижу с этой шиншиллой, а в шиншиллах я совсем не разбираюсь, но не беда, найду в интернете, как за ней ухаживать. В отличие от других грызунов, которых я встречала, у шиншиллы мягкая шкурка и красивый хвостик.

Тут выходит моя мама и говорит:

— Господи, это еще что такое?

— Шиншилла.

— Чья?

— Моя, — говорю я.

Мама оглядывается по сторонам, будто ищет, чья это шиншилла.

— Мила, — говорит она. Так она называет меня, только когда злится, хотя это мое полное имя: я именно Мила, не Милена и не Милада, но обычно родители называют меня Мили, ну или Милушка. Но сейчас мама говорит:

— Мила, я тебе разрешила аквариум и черепаху. Если ты сейчас же не вернешь эту мышь, больше ни о каких животных не может быть и речи. Ты же знаешь, я терпеть не могу мышей.

Да, я знаю, только забыла. Мама терпеть не может мышей, а крыс по-настоящему боится. Как-то раз мы приехали летом к друзьям на дачу, и там мама увидела мышку и тут же вскочила на стул и завизжала — ну прямо сценка из «Тома и Джерри». И хотя это выглядело довольно смешно, я не смеялась. Было непривычно видеть, как мама чего-то так сильно боится, а уж забавную маленькую мышку тем более. Потом мы с папой просто вынесли мышь в сад и выпустили на волю, и она сразу бросилась от нас наутек. Но мама больше

не хотела оставаться на этой даче. Похоже, они с папой даже поссорились из-за этого.

— Это шиншилла, — говорю я, хоть и понимаю, что это неважно.

— Неважно! Дома я ее не потерплю, и ты это прекрасно знаешь! Пойди и верни ее хозяину, а потом сразу домой. Покажи-ка, у тебя звук на телефоне включен?

Сейчас мне уже десять, и я, само собой, могу ходить одна, но только с включенным звуком на телефоне и при свете дня. Все равно я иногда немного теряюсь, но ведь я уже не маленькая, умею быстро сориентироваться и пользоваться гугл-картой, так что легко дойду, куда нужно. Поэтому теперь родители меня только в школу отвозят, а то я несколько раз сильно опаздывала, и наша училка Муравьева не верила, что я не нарочно прогуливаю. Но про Муравьеву мне даже думать не хочется, не люблю я ее, и вообще.

— Ты меня слушаешь? Иди и верни это хозяину.

Мама говорит «это», будто у меня в руках трупик, или гнилой помидор, или еще какая-то гадость.

Потом она хватает свою сумку и быстро уходит, как обычно, когда очень злится. Я смотрю на шиншиллу. Она двигает носиком. Что мне с ней теперь делать, раз старик ушел, а я даже не знаю, как его зовут?

Но тут мне приходит в голову одна идея. Я встаю, осторожно сажаю шиншиллу в коробку и иду искать дом, где живет женщина с родимым пятном на лице. Я точно помню улицу, а дом, наверное, узнаю. Правда, этаж не помню, зато помню, что на двери у них была маленькая наклейка с Микки-Маусом.

